

Истоки мировоззрения Ю. Ф. Самарина и учение о роли правящего слоя в его политико-правовом наследии

Е. С. Беседина

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: Efremova_e@mail.asu.ru

Статья посвящена исследованию политико-правового наследия Ю. Ф. Самарина – выдающегося государственного деятеля эпохи Великих реформ и одного из ключевых мыслителей славянофильства. В статье обосновывается, что фундаментальные мировоззренческие установки Самарина – православие как источник цельного знания, критика западного рационализма и материализма, неприятие индивидуализма, учение о народности – сформировались под влиянием его биографических обстоятельств и определили всю его политико-правовую доктрину. Особое внимание уделяется учению Самарина о роли правящего слоя, в котором он подвергает критике оторванные от народа «псевдо-элиты» и формулирует позитивную программу подлинной элиты, основанную на служении, укорененности в народной жизни и исторической преемственности идеалов. Делается вывод об актуальности постановки вопроса о роли правящего слоя для современных дискуссий о доверии между властью и обществом.

Ключевые слова: Ю. Ф. Самарин, славянофильство, служение, народность, политическая элита.

Origins of Y.F. Samarin's Worldview and Role of the Ruling Class as Considered in His Political and Legal Heritage

E. S. Besedina

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: Efremova_e@mail.asu.ru

The article discusses the political and legal heritage of Yu.F. Samarin — an outstanding statesman of the era of the Great Reforms and one of the key thinkers of Slavophilism. The article states that Samarin's fundamental worldview attitudes — Orthodoxy as a source of integral knowledge, criticism of Western rationalism and materialism, rejection of individualism, and the doctrine of national character (narodnost') — were shaped under the influence of his life circumstances and determined his entire political and legal doctrine. Special attention is paid to Samarin's doctrine of the role of the ruling class, in which he criticizes "pseudo-elites" detached from the people and formulates a positive program for genuine elite, based on devotion, values shared with common people, and historical consistency of ideals. The article concludes that the issue of the role of the ruling class is still topical in contemporary debates on trust between the government and society.

Key words: Yu. F. Samarin, Slavophilism, devotion, national character, political elite.

Юрий Федорович Самарин (1819–1876) – один из ключевых мыслителей славянофильства, чье наследие долгое время оставалось в тени его старших современников. Между тем именно Самарин занимает среди них уникальное место: имея многолетний опыт государственной службы, он смог перевести философско-религиозные идеи славянофильства в область конкретных проектов государственных преобразований.

Обращение к политико-правовому наследию Самарина сегодня особенно актуально. В эпоху интенсивного поиска внутренних основ и культурно-исторических ориентиров государственного развития, а также в контексте дискуссий о цивилизационной идентичности России, идеи мыслителя о самобытном пути развития страны, его критика западного рационализма и позиции о невозможности механического переноса чужих политико-правовых институтов приобретают новое звучание. Политико-правовое наследие Самарина оригинально и во многом обязано своим своеобразием уникальному сочетанию его биографических обстоятельств и сформировавшихся на их основе мировоззренческих установок.

Идеи Самарина о том, какой должна быть элита в России, занимают достаточно уникальное место во всей совокупности его политико-правовых взглядов, будучи тесно связанными с его практическим опытом и другими политико-правовыми идеями – в первую очередь с учением об органической связи народа и монарха. В статье предпринята попытка реконструировать истоки его мировоззрения и показать, как из них выросла критика «псевдо-элит» и позитивная программа подлинной элиты.

Семья, в которой родился Самарин, была глубоко укоренена в православной традиции и служении престолу. Отец, полковник, участник Отечественной войны 1812 года, мать, фрейлина императрицы, с самого раннего детства погрузили будущего мыслителя в атмосферу, где вера была не просто обрядом, а живым стержнем жизни [Нольде 2003: 12]. Показательно, что даже его домашний наставник, француз Адольф Пако, принадлежавший к западной культуре Просвещения, укреплял православную веру мальчика. А когда отец, Федор Васильевич, перевез семью из Петербурга в Москву, он сделал это с явной целью – оградить детей от «французского влияния при дворе» и воспитать их в русской, православной среде. Из этого воспитания выросло глубокое убеждение Самарина в истинности православия, а также в том, что именно православие является источником «цельного знания». Православная вера, по Самарину, дарит человеку не рабское подчинение, а нравственную свободу – добровольное принятие «благоего бремени» высшего закона [Самарин 2014: 19-20, 24-25].

В начале 1840-х годов Самарин пережил глубокий духовный кризис, который навсегда определил его отношение к рационализму. Увлечшись философией Гегеля, он попытался рационально обосновать религиозные истины, доказать веру средствами логики. Эти попытки привели его в «болото путаницы и сомнений», едва не завершившихся полной утратой веры [Calder 1987: 15]. Вывел его из этого кризиса А. С. Хомяков, который указал на принципиальную ограниченность рассудочного подхода в вопросах духа. Вера, понял Самарин, постигается не доказательствами, а всей полнотой человеческих способностей – умом, чувством и волей вместе. Этот экзистенциальный опыт сделал его непримиримым критиком западного рационализма. Он увидел в рационализме не просто философское заблуждение, а глубоко порочный принцип, который, будучи перенесенным в политическую сферу, превращается в культ формального закона, в попытку подменить живую справедливость мертвой буквой. Из этого же кризиса позже выросло и его неприятие материализма. Самарин рассматривал материализм не просто как заблуждение, но как закономерный, хотя и ложный этап в развитии человеческой мысли. Он был убежден, что последовательный материализм, доведенный до логического конца, «совершает над собою самоубийство, predetermined всякой лжи» [Самарин 2016: 158]. Следование материалистической концепции, по Самарину, ведет к духовному и нравственному закреощению личности, ибо «сознание личной свободы как способности самоопределения» можно почерпнуть только в религии [Самарин 2014: 646].

Из критики рационализма логически вытекало и негативное отношение к индивидуализму, которое укреплялось в Самарине как университетским образованием, так и практическим опытом. В Московском университете под влиянием историка М. П. Погодина он усвоил идею самобытности русского исторического пути, где личность никогда не противопоставляла себя общине так радикально, как на Западе. Позднее, работая чиновником по особым поручениям в Остзейском крае, Самарин воочию увидел, к чему приводит гипертрофированный индивидуализм, закрепленный в юридических привилегиях. Каждый из остзейских баронов отстаивал только свои узкие интересы, прикрываясь древними вольностями, что вело к системному угнетению местного населения. «На личности, ставящей себя безусловным мерилем всего, – писал Самарин, – может основаться только искусственная ассоциация... но абсолютной нормы, закона, обязательного для всех и каждого, нельзя вывести из личности логическим путем» [Самарин 2013: 95]. В противовес этому он отстаивал идеал крестьянской общины, видя в ней не только экономический институт, но и важнейший элемент духовного единства народа.

Критика «псевдо-элит» у Самарина не была случайной публицистической полемикой; она вытекала из его мировоззренческой установки о необходимости органической связи между верховной властью и народом. Разрыв этой связи, по его убеждению, – главный недуг российской государственности, а «псевдо-элиты» – его наглядное проявление.

Наиболее беспощадной критике Самарин подвергал бюрократию. В рецензии на «Тарантас» В. А. Соллогуба он проследил генеалогию чиновничества от «дворового» – оторванного от народа привилегированного холопа – через приказного к современному чиновнику. Этот слой, по его формуле, «прирос к народной почве, но совершенно чужд народной жизни» [Самарин 2013: 76]. Главный порок бюрократии – формализм и узурпация авторитета верховной власти. Самарин вскрывал механизм этой узурпации: чиновник, боясь личной ответственности, прикрывается «высочайшим именем», испрашивая особых повелений во всех сложных случаях, тем самым перекладывая потенциальную вину на монарха. Бюрократия, писал он, «торгует своим влиянием, как товаром», подменяя живое служение отчетностью, а поиск истины – соблюдением внешней процедуры [Самарин 2013: 76].

Не менее строг Самарин и в оценке современного ему дворянства. Он проводил принципиальное различие между «дворянством» как исторической служилой категорией и «барством» как социально-психологическим типом. «Барство» – это притязание на власть и влияние, не подкрепленное реальной способностью к труду, попытка первенствовать, не имея ни способностей, ни навыков, ни охоты к умственному труду. Реформы 1860-х годов, писал Самарин, «действительно поразили что-то насмерть, только не дворянство, а барство» – они обнажили несостоятельность тех, кто претендовал на руководство, не имея реальных заслуг [Самарин 2013: 383]. В противовес им «деловые люди», напротив, «окончательно приросли к земству» и «действительно с каждым днем более и более привлекают к себе народ» [Самарин 2013: 384].

Особую критику Самарин обрушивал на западническую интеллигенцию. Если помещики, по его меткой

характеристике, — это «жизнь без сознания», то западник — «сознание без жизни». Воспитанный на отвлеченно-иностранный манер, он оторван от «воздуха родной земли» и потому абсолютно беспомощен в понимании русской действительности, пытаясь осмыслить ее через чуждые заимствованные схемы [Самарин 2013: 69]. Худшим практическим следствием этой оторванности Самарин считал направление «натуральной школы» в литературе, обвиняя ее в клевете на народ, в культивировании циничного презрения вместо любви и понимания. Такая интеллигенция, по его убеждению, не только не исполняет своей роли проводника просвещения, но и усугубляет пропасть между образованным обществом и народом.

Наиболее законченное, доведенное до логического предела выражение тех же пороков Самарин обнаружил в Остзейском крае, где дворянство приобрело характер замкнутой этнической касты. Он обращал внимание на сам язык остзейцев, называвших местное нерусское население «Undeutsche» – «не-немцы» [Самарин 2019: 321]. По мысли Самарина, в этом словоупотреблении раскрывалась сама суть их мировоззрения: привилегия, основанная не на законе или заслугах, а на самом факте принадлежности к немецкой национальности. Корень патологии – в полной неукорененности: остзейское дворянство не может считать Россию родиной, но и остзейские провинции сами по себе не образуют родины. Его «немечество» – абстракция, которую можно лелеять как идею, но которая ни к чему не обязывает. Держится эта каста, по старому афоризму, цитируемому Самариним, только на «русских штыках», не имея ни доверия снизу, ни органической связи с государством сверху [Самарин 2016: 52]. Все эти группы – бюрократия, деградировавшее дворянство, западническая интеллигенция, остзейская каста – объединены одним: они не способны быть «живым проводником» между верховной властью и народом. Их легитимность мнимая, основанная либо на формальном статусе, либо на сословном эгоизме, либо на чуждых заимствованных схемах.

Критика «псевдо-элит» была для Самарина не самоцелью, а основанием для создания позитивной программы. Подлинная элита, по его убеждению, должна определяться не происхождением, а нравственно-деятельными качествами, и он формулирует несколько взаимосвязанных критериев.

Первый и главный критерий – укорененность в народной жизни. Самарин настаивал, что принадлежность к правящему слою не может быть оторвана от знания конкретных нужд, традиций и быта народа. «Мы должны узнать народ, а чтобы узнать – и прежде, чем узнать – мы должны любить его», – писал он, подчеркивая, что это сближение необходимо в первую очередь для самого оторванного образованного класса [Самарин 2013: 137]. Показательным примером здесь служит сам Самарин: не имея опыта управления имением, он сначала досконально изучил хозяйство, а затем, осознав свою некомпетентность, передал управление более способному младшему брату. Он задолго предвосхитил тот критерий подлинной элиты, который сам сформулирует позже – готовность уступить место тому, кто действительно может принести пользу, принцип «естественной браковки» [Самарин 2013: 383].

Второй критерий – способность к систематическому труду. Самарин противопоставлял «деловых людей» и людей, способных только к пустым разговорам. Первые – это те, кто уже свыклись с новой обстановкой, перестали жаловаться на отсутствие твердой почвы под ногами, потому что на ней стоят. Легитимность элиты здесь подтверждается не сословным достоинством, а общественным доверием, заслуженным через реальную работу.

Третий критерий – наличие «исторически преемственных идеалов». Самарин формулирует его как высший аксиологический ориентир: подлинная элита появляется там, где укорененность в труде соединяется с идеалами, воспринятыми от предков и обращенными к будущему. «Где историческое предание порвано, там идеалы теряют свою жизнеспособность... Где каждое поколение обзаводится для своего обихода новыми идеалами... там не бывает ни зрелости умственной, ни крепкого закала характеров, ни строгости нравственных требований» [Самарин 2014: 600]. Элита не изобретает новые ценности каждый год, а хранит и развивает полученное от прошлого.

Наконец, четвертый критерий – служение, а не притязание на привилегии. Самарин подкреплял этот тезис личным примером. За свои труды по подготовке и проведению крестьянской реформы он был награжден орденом Св. Владимира III степени – и отказался от награды, мотивируя тем, что не считает возможным принимать за общественное дело награду от правительства. В этом отказе – вся суть его учения о подлинной элите: единственный критерий легитимности деятельности – реальная польза, а не правительственный знак отличия. Подлинный служитель отвечает перед собственной совестью и перед народом за каждый аспект реформы, который проходил через его руки.

Таким образом, критикуя «псевдо-элиты» – бюрократию, утратившее служилое призвание дворянство («барство»), оторванную от народа западническую интеллигенцию и остзейскую касту, – Самарин видел в них проявление единого исторического недуга: разрыва между властью и «землей». В противовес им он сформулировал позитивную программу, где критериями подлинной элиты выступают укорененность в народной жизни, способность к систематическому труду, наличие исторически преемственных идеалов и служение, а не притязание на привилегии. Подлинная элита по Самарину – это не сословная каста, а служилый слой, чьи критерии – не происхождение, а нравственно-деятельные качества, подчиняющие личный эгоизм служению целому. Сегодня, когда проблема доверия между властью и обществом вновь оказывается в центре общественных дискуссий, анализ Ю. Ф. Самарина того, какая элита способна быть «живым проводником», а какая – лишь узурпирует свое положение, звучит особенно актуально.

Литература

Колдер Д. Л. Политическая мысль Ю. Ф. Самарина, 1840–1864. Нью-Йорк, 1987.

Нольде Б. Юрий Самарин и его время. М., 2003.

- Самарин Ю. Ф. О мнениях «Современника» исторических и литературных / Литература и история. СПб., 2013.
- Самарин Ю. Ф. Ответ г.г. ф. Бокку и Ширрену по поводу "Окраин России"/ Окраины Росси. СПб., 2019.
- Самарин Ю.Ф. Письма из Риги. Письмо 3-е. Современное отношение Остзейского края к России и к правительству / Русское самосознание. СПб., 2016.
- Самарин Ю. Ф. Письма о материализме / Русское самосознание. СПб., 2016.
- Самарин Ю. Ф. По поводу сочинений Макса Мюллера по истории религий / Церковь и общество. СПб., 2014.
- Самарин Ю. Ф. Революционный консерватизм. Письмо к Р. Фадееву по поводу его книги "Русское общество в настоящем и будущем (чем нам быть)" / Литература и история. СПб., 2013.
- Самарин Ю. Ф. Тарантас. Путевые впечатления. Сочинения графа В. А. Соллогуба / Литература и история. СПб., 2013.
- Самарин Ю.Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович. Рассуждение, писанное на степень магистра философского факультета первого отделения / Церковь и общество. СПб., 2014.

References

- Calder, L. D. (1987). Political Thought of Yu. F. Samarin, 1840–1864. New York.
- Nol'de, B. (2003). Yuri Samarin and his time. Moscow (in Russian).
- Samarin, Yu. F. (2013). On the opinions of "Contemporary" historical and literary. St. Petersburg (in Russian).
- Samarin, Yu. F. (2019). Response to Mr. F. Bock and Schirren about "Outskirts of Russia". St. Petersburg (in Russian).
- Samarin, Yu. F. (2016). Letters from Riga. Letter 3. The current attitude of the Ostsee region to Russia and to the government. St. Petersburg (in Russian).
- Samarin, Yu. F. (2016). Letters on materialism. St. Petersburg (in Russian).
- Samarin, Yu. F. (2014). On the works of Max Müller on the history of religions. St. Petersburg (in Russian).
- Samarin, Yu. F. (2013). Revolutionary conservatism. A letter to R. Fadeev about his book "Russian society in the present and future (what should we be)". St. Petersburg (in Russian).
- Samarin, Yu. F. (2013). Tarantas. Travel impressions. Works of Count V.A. Sollogub. St. Petersburg (in Russian).
- Samarin, Yu. F. (2014). Stefan Yavorsky and Feofan Prokopovich. A dissertation written for the degree of Master of Philosophy. St. Petersburg (in Russian).

Citation:

- Беседина Е. С. О Истоки мировоззрения Ю.Ф. Самарина и учение о роли правящего слоя в его политико-правовом наследии // Юрислингвистика. – 2026 – 40. – С. 32-35.
- Besedina E. S. (2026) Origins of Y.F. Samarin's Worldview and Role of the Ruling Class as Considered in His Political and Legal Heritage. Legal Linguistics, 40, 32-35.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
